

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.119-132

М. Б. Напсо*

Право индивида на достоверную информацию в условиях цифровизации гражданского оборота

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации права индивида на достоверную информацию в современном информационном обществе. В целях обеспечения достоверности выводов и предложений проблематика анализируется в различных аспектах с использованием междисциплинарного подхода: 1) в контексте причин и рисков недостоверности информации; 2) с позиций философии постмодернизма и теории общества потребления; 3) в разрезе обеспечения информационной безопасности и противодействия информационному воздействию; 4) на основе анализа международных актов, законодательства РФ, документов доктринального характера; 5) в свете возможностей саморегулирования в сфере информационных отношений; 6) в соотношении с комплексом информационных прав; 7) с точки зрения использования правового механизма «безопасности от информации» и утверждения права на удаление. Рассмотрение проблематики в таком ключе позволило автору показать, как риски развития цифрового общества повышают статус информационных прав, привнося в них новые смыслы, и порождают возникновение новых прав или правовых механизмов их осуществления. В реализации всего комплекса информационных прав главную сложность, по мнению автора, представляет соблюдение баланса в реализации принципа индивидуальной свободы в сфере оборота информации и применении механизма защиты от информации определенного контента в целях обеспечения интересов индивида, общества, государства. Последнее, по убеждению автора, должно быть обосновано характером и масштабами угроз. В силу этого для подтверждения правомерности постановки вопроса о праве индивида на достоверную информацию автор подверг подробному анализу причины и угрозы, исходящие от растущих масштабов недостоверности информации, и указал на необходимость правового закрепления понятия достоверности и ее признаков. Итогом исследования стал вывод о том, что формируемое в современных условиях право на достоверную информацию может быть полноценно реализовано лишь на основе целостной системы мер — общественно-политических, социально-нравственных, правовых, информационно-технологических.

Ключевые слова: информация; информационное общество; информационные отношения; информационное воздействие; блоггерство; принцип достоверности; информационные права; информационная безопасность; право на удаление; саморегулирование; цифровые технологии; риски недостоверности.

Для цитирования: Напсо М. Б. Право индивида на достоверную информацию в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 7. — С. 119–132. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.119-132.

© Напсо М. Б., 2023

* Напсо Марьяна Бахсетовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказской государственной академии
Ставропольская ул., д. 36, г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, 369001
napso.maryana@mail.ru

The Right of an Individual to Reliable Information in the Conditions of Digitalization of Civil Turnover

Mariana B. Napso, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Civil Law and Procedure, North Caucasian State Academy
Stavropolskaya ul., d. 36, Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskaya Respublika, Russia, 369001
napso.maryana@mail.ru

Abstract. The paper deals with the current problems of the realization of the individual's right to reliable information in the modern information society. In order to ensure the reliability of conclusions and proposals, the author analyzes the problems in various aspects using an interdisciplinary approach: 1) in the context of the causes and risks of unreliability of information; 2) from the standpoint of the philosophy of postmodernism and the theory of consumer society; 3) in the context of ensuring information security and countering information influence; 4) based on the analysis of international acts, legislation of the Russian Federation, documents of a doctrinal nature; 5) in the light of the possibilities of self-regulation in the field of information relations; 6) in relation to the complex of information rights; 7) from the point of view of using the legal mechanism of «information security» and the approval of the right to erasure. Considering the issues in this way allowed the author to show how the risks of the development of a digital society increase the status of information rights, bringing new meanings to them, and give rise to new rights or legal mechanisms for their implementation. In the implementation of the entire complex of information rights, the main difficulty, according to the author, is the balance in the implementation of the principle of individual freedom in the sphere of information circulation and the use of a mechanism to protect certain content from information in order to ensure the interests of the individual, society, and the state. The latter, according to the author, should be justified by the nature and scale of the threats. Therefore, in order to confirm the legitimacy of raising the issue of an individual's right to reliable information, the author subjected to a detailed analysis of the causes and threats emanating from the growing scale of unreliability of information, and pointed out the need for legal consolidation of the concept of reliability and its signs. The result of the study was the conclusion that the right to reliable information formed in modern conditions can be fully realized only on the basis of an integral system of measures: socio-political, socio-moral, legal, information and technological.

Keywords: information; information society; information relations; information impact; blogging; the principle of reliability; information rights; information security; right to erasure; self-regulation; digital technologies; risks of unreliability.

Cite as: Napso MB. Pravo individa na dostovernuyu informatsiyu v usloviyakh tsifrovizatsii grazhdanskogo oborota [The Right of an Individual to Reliable Information in the Conditions of Digitalization of Civil Turnover]. *Lex russica*. 2023;76(7):119-132. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.119-132. (In Russ., abstract in Eng.).

Информационное общество цифровой эпохи — это общество потребления, генерирующее и поглощающее всё большие объемы информации и информационных продуктов, что ведет к росту в геометрической прогрессии числа источников информации и ее потребителей. Информация обрела качества среды обитания, способа самовыражения, источника существования, площадки для поиска идей, возможностей, обретения компетенций, а значит, и механизма ориентации и адаптации. Но проблема

в том, чтобы всё многообразие информации отражалось «в сознании человека в соответствии с действительностью, т.е. достоверно»¹. Проблематика недостоверности информации имеет в наши дни крайне актуальный характер как на микро-, так и на макроуровне. Информация и дезинформация стали важнейшими ресурсами информационного воздействия и противодействия: «правду утопили в океане мифов, иллюзий и фейков», «лукавое слово кочует из одной страны в другую»². Сказан-

¹ Устюжанина Е. В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 4. С. 47–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dostovernosti-informatsii-postanovka-problemy> (дата обращения: 24.09.2022).

² Обращение Президента РФ от 30.09.2022 «Подписание Договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1569293/> (дата обращения: 01.10.2022).

ные в связи с событиями на Украине, эти слова Президента РФ В. В. Путина характеризуют в полной мере процесс глобальной деградации понятия достоверности. Расширение пространства обращения информации, не соответствующей действительности, в самых разных формах: неправды, полуправды, фейков, искажений, домыслов, фантазий — реалии современного мира. Количественные показатели недостоверной информации, ее массовое производство и распространение обеспечиваются современными технологиями. Сама возможность оперирования такой информацией основана на отсутствии у индивида возможности проверить информацию на достоверность в момент ее восприятия, особенно в условиях информационного потока. Правдоподобность придается посредством создания необходимой атмосферы существования информации — локации, события, люди, действия. Воспринимаемость достигается благодаря эмоциональной перенасыщенности информацией, апеллированию к чувствам: содержание информации и способ ее подачи должны вызвать сильный эмоциональный отклик. В этом смысле возможности эпохи цифры безграничны. В итоге индивид оказывается в условиях сконструированной действительности.

Проблема обеспечения достоверности информации весьма сложна, и не только с правовой точки зрения, по целому ряду причин. Очевидно, что без их изучения определение правовых механизмов реализации права индивида на достоверную информацию не будет иметь конструктивного характера. Первая причина кроется в возможностях технологий быстро, без ограничений и барьеров любому числу субъектов произвольно производить, накапливать, хранить, экспортировать, модифицировать, тиражировать информацию и ее массивы. Обращение больших объемов информации обеспечивается тем, что транслирование своего образа жизни, мыслей в публичное пространство стало обязательным атрибутом жизни миллионов людей. Стало возможным накапливать массивы информации благодаря «умным технологиям» социального мониторинга, дис-

танционного контактирования, сканирования, идентифицирования, резервирования. Всё это позволяет в том числе создавать, продвигать и внедрять любые информационные продукты. Искусственный интеллект значительно продвинул возможности анализа больших данных, создания цифрового профиля индивида посредством автоматической обработки информации из разных источников в значительных объемах. Таким образом, без обязательного требования о наличии волеизъявления лица, без проверки всей информации на достоверность осуществляется сбор, фиксация, анализ информации и ее массивов. Об опасности использования информации, полученной в результате обработки больших данных, по большей части говорится в контексте нарушения права на неприкосновенность частной жизни и запрета на использование персональных данных в корыстных и преступных целях.

Кроме того, по мнению экспертов ООН, следует понимать, что в современных условиях на сборе и анализе информации, в том числе оставляемых людьми цифровых следов, может быть основано принятие многих решений, отнесение лиц к той или иной категории. И это придает особую актуальность проблеме предотвращения вреда от неправильного обращения с данными³. О последствиях использования недостоверной информации из информационных систем для принятия решений говорится главным образом применительно к системе государственного управления, к отношениям индивида и государства, проблематике социального доверия. Следует признать справедливыми утверждения о том, что только достоверность сведений из официальных баз данных, их поддержание в актуальном состоянии могут обеспечить доверие к содержащимся в них сведениям и надежность их использования субъектами права в качестве исходных оснований для совершения юридически значимых действий⁴. Поэтому официальную информацию, являющуюся основой для реализации прав и законных интересов граждан, должна отличать достоверность. Именно достоверность всего информационного массива «напрямую связа-

³ Инновации в сфере данных для целей развития // Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/big-data-for-sustainable-development> (дата обращения: 29.09.2022).

⁴ Бояринцева О. А. Особенности правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Административное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 934–940. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27381168> (дата обращения: 29.09.2022).

на с правовым качеством жизни общества»⁵. Очевидно, что иные свойства информации — безопасность, актуальность и целостность — в той или иной мере обусловлены уровнем достоверности.

Вторая причина заключается в издержках реализации информационных прав. Цифровизация и институт информационных прав предоставили индивиду широкие возможности оперирования любой (с известными законодательными изъятиями) информацией. Он может по собственному усмотрению производить, получать, передавать информацию, использовать ее в разных целях, высказывать свою позицию независимо от того, как она соотносится с официальными, общепринятыми, научными воззрениями, цитировать буквально или интерпретировать, прибегать к рерайтам и репостам, комментировать и т.д. Очевидно, что регулирование информационных отношений в таком дискурсе — на уровне каждого отдельно взятого индивида — крайне сложно. С социокультурной точки зрения для этого необходимы развитое критическое мышление, нравственное начало и осознанный подход. В праве это обеспечивается законодательством о саморегулировании, о саморегулируемых организациях⁶, устанавливающим стандарты и правила профессиональной деятельности, в том числе и на основе кодексов профессиональной этики. В качестве примеров саморегулирования можно привести Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий от 01.11.2018⁷ и Кодекс добросовестных практик (Кодекс этической деятельности (работы) в сети Интернет)⁸ от 14.12.2016, к которому, по данным портала персональных данных Роскомнадзора, присоединились сотни субъектов в 71 субъекте РФ⁹.

В октябре 2022 г. приглашенным в Государственную Думу РФ социальным блогерам предложили разработать этический кодекс блогеров.

Это лишний раз подтверждает актуальность всей проблематики регулирования информационных отношений, и не только посредством права. Необходимость обеспечения комплексного междисциплинарного подхода кроется, во-первых, в самой природе цифрового пространства: массовости, общедоступности, неограниченной возможности самовыражения, получения информации и ее генерирования, во-вторых, в философии постмодернизма, выдвигающей на первый план свободу субъекта, его включенность «в предметность познаваемого мира». Поэтому в процессе познания окружающего мира субъект перестает быть просто объективным наблюдателем, он сам становится частью изучаемого объекта, в силу чего «получаемое знание несет в себе в первую очередь содержание самого субъекта». Такое усиление значимости субъективного контекста в интерпретации объективного приводит к тому, что оно теряет «свою фундаментальность и однозначность». Современный постмодернизм — это плюралистичность мира ценой «отказа от объективности истины», это множественность значимых для отдельных индивидов групп «локальных истин» вместо знания, адекватно отражающего действительность и этим обеспечивающего перспективу развития всего социума¹⁰. Кроме того, современному информационному обществу свойственно оперирование образами наравне с фактами. Целенаправленное создание тех или иных образов, в том числе и на основе фактов, — всеобщая тенденция. Такие технологии весьма востребованы в наши дни, в частности в целях демонизации, и не только

⁵ Бояринцева О. А. Публичная достоверность баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 8-9 (59). С. 68–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-dostovernost-baz-dannyh-formiruemyh-i-ispolzuemyh-v-sfere-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-upravleniya> (дата обращения: 29.09.2022).

⁶ Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

⁷ URL: <https://roem.ru/wp-content/uploads/2018/11/2018.11.01.itog.memorandum.pravki.po.pdf> (дата обращения: 11.10.2022).

⁸ URL: <https://pd.rkn.gov.ru/code/> (дата обращения: 11.10.2022).

⁹ Официальные данные портала персональных данных Роскомнадзора. URL: <https://pd.rkn.gov.ru/code/signatory/ca/> (дата обращения: 11.10.2022).

¹⁰ Пыхтина Т. Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодерна в трактовке познания) // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 289–294. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istina-kak-sotsialnaya-znachimost-puti-postmodernizma-v-traktovke-poznaniya> (дата обращения: 01.10.2022).

индивидов. Пример тому — применяемая к индивидам *культура отмены* и используемая в отношении народов и государств *отмена культуры*.

И наконец, третья причина кроется в том, что эпоха цифровизации породила целую индустрию по созданию недостоверной информации — конструированных фейков (прибегнем к терминологии Д. С. Пескова, пресс-секретаря Президента РФ). О масштабах и возможностях этой индустрии говорит хотя бы такой факт: по состоянию на 19 июля 2022 г. Лига безопасности Интернета, как сообщила член Общественной палаты РФ Е. Мизулина, обнаружила свыше 16 млн фейков о спецоперации на Украине и более 160 тыс. сайтов, их распространяющих, только в одном ЦФО¹¹. При наличии технических возможностей каждый из фейков в течение нескольких минут транслируется миллионам пользователей. Противодействовать этому, а тем более усилиями отдельно взятых индивидов, практически невозможно, тем более что разновидности и сферы применения технологий конструирования фейков очень широки. Кроме того, сконструированный фейк — это умелое сочетание правды и вымысла, реальных и вымышленных персонажей, событий, локаций, искусная подача.

Однако, как это и бывает, рост недостоверности значительно повысил запрос на достоверность. Важность сбора и фиксации достоверной информации стала очевидной не только в связи с противоборством с фейками. Она лежит в основе обеспечения безопасности, самостоятельности, независимости самоопределения и правового механизма защиты исторической памяти, исторического наследия, национальной идентичности, переживающих небывалый ренессанс. Сам факт признания в УК РФ составом уголовного преступления отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрения преступлений, им установленных, распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, в том числе с исполь-

зованием СМИ, информационно-телекоммуникационных сетей, сети Интернет и посредством искусственного создания доказательств обвинения¹², основывается именно на наличии многочисленных и неопровержимых доказательств и вызван реальностью опасностей ревизионизма. Модификация и конструирование информации, искажения сути явлений и фактов с целью пересмотра итогов Второй мировой войны перестали иметь характер единичного случая. Благодаря наличию достоверных сведений стал возможен и современный процесс по признанию преступлений фашизма против жителей различных регионов РФ геноцидом.

Реалиями цифровой эпохи стали искусственные конструкты ложного, частично ложного или тенденциозного характера, публичная ложь, информационная провокация, фейкодемия. Среди основных факторов их распространения не только наличие технических возможностей, индустрии технологий и практик, но и отсутствие эффективных механизмов противодействия, имеющих, как правило, догоняющий характер. Это не позволяет обеспечить в том числе и опережающее правовое регулирование. Причин тому несколько. Во-первых, современные технологии, расширяя возможности индивидов, общества и государства, несут в себе немало ранее не свойственных им рисков. Во-вторых, в условиях высокой рискогенности, массовости и новизны риск-явлений рост информационных прав и свобод сталкивается со столь же высоким уровнем их нарушения. В-третьих, при отсутствии целостной системы адекватных рискам мер реагирования на первоначальном этапе неизбежно усиливается степень государственного вмешательства. Правовая мысль и правовая практика «хотя и пытаются описать неосозаемые новые онлайн-явления и достичь четкости правовых норм, явно не успевают за цифровыми инновациями» еще и по той причине, что они «настолько стремительны и обладают всеобщим глобальным действием, что сегодняшние достижения в этой сфере становятся завтра уже “вчерашним днем”»¹³. Имен-

¹¹ Лига безопасности Интернета нашла свыше 16 млн фейков о спецоперации на Украине // URL: <https://ren.tv/news/v-Rossii/1002074-liga-bezopasnogo-interneta-nashla-svyshe-16-mln-feikov-o-spetsoperatsii-rf> (дата обращения: 26.10.2022).

¹² Федеральный закон от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 09.04.2021. № 8427. С. 14. URL: <https://rg.ru/2021/04/09/kodeks-dok.html> (дата обращения: 10.09.2022).

¹³ Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности : сборник научных трудов. Серия «Правоведение» / Центр социальных научно-информа-

но скорость, быстрая сменяемость, масштабы, всеохватность происходящих изменений затрудняют процесс обеспечения качественного опережающего правового регулирования. Поэтому ключевую роль приобретают мониторинг, анализ, обобщение.

В контексте нашей проблемы приходится говорить о необходимости целенаправленной работы: 1) по определению трендов распространения и разновидностей недостоверной информации, 2) правовому закреплению их понятий, 3) разработке множественных социальных и правовых инструментов воздействия. Наличие основополагающей социально-правовой базы должно дополняться вариативностью, оперативностью, гибкостью общественного и правового реагирования, т.е. ему необходимо придать черты, свойственные самому информационному пространству, и противостоять возможностями самой цифровизации. В условиях, когда объективность и достоверность оказываются под давлением модификаций, видоизменений, вольных интерпретаций, исходным началом регулирования общественных отношений в сфере создания, распространения и использования информации должен быть последовательно реализуемый принцип достоверности информации. При этом риски недостоверности должны быть возложены в первую очередь на лиц, генерирующих и распространяющих информацию. При наличии в законодательстве РФ правовых механизмов, регламентирующих содержательный контент на предмет его достоверности, приходится констатировать их отсутствие применительно к базам данных (кроме официальных баз данных и государственных информационных систем) и массированным информационным потокам.

Даже при беглом обзоре видно, что российское законодательство довольно часто оперирует понятием достоверности. В конституционных

нормах о праве на информацию, о свободе и доступности имеется в виду именно достоверная информация, правом на честь, достоинство, деловую репутацию обеспечивается защита в случае распространения недостоверной информации (ст. 24, 29, 42 Конституции РФ¹⁴). Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁵ дает определение фейка, утверждает достоверность в качестве одного из принципов правового регулирования в информационной сфере (п. 6 ст. 3). Однако он не раскрывает понятия достоверности и не содержит прямого запрета на обращение недостоверной информации.

Аналогичный подход содержится в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹⁶: достоверность — принцип (ст. 4) и основное требование для такого рода информации (ст. 11), — а также Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁷. Кроме того, частью 9 ст. 14 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» для официальной информации, информации из государственных информационных систем установлено требование об обеспечении ее достоверности и актуальности, что предполагает в том числе и защиту от внесения, хранения и предоставления заведомо недостоверной информации.

Соблюдение вышеназванных норм обеспечивается несколькими правовыми механизмами, а именно: 1) принцип индивидуальной свободы обеспечивает право индивида на информацию; 2) принцип транспарентности, доступности и достоверности реализуется, когда речь идет о получении и предоставлении информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления,

ционных исследований. Отдел правоведения ; Российский государственный университет правосудия ; отв. ред. Е. В. Алферова, Д. А. Ловцов. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 143–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-cheloveka-v-internete> (дата обращения: 24.09.2022).

¹⁴ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

¹⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

¹⁶ Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

¹⁷ Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I) ст. 6217.

судов, иной общественно значимой информации; 3) право на возмещение причиненного вреда предусмотрено для тех случаев, когда в основу совершения юридически значимых действий была положена недостоверная информация из официальных источников, что и стало причиной неправомерных деяний, повлекших причинение вреда; 4) право на удаление дает возможность потребовать удаления недостоверной информации. Оно появилось с введением в 2015 г. в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьи 10.3¹⁸. Сейчас это право, именуемое еще и правом на забвение, правом быть забытым, получает всё большее распространение и применяется ко всё большему числу отношений в сфере сбора, хранения и распространения информации.

Закон «О средствах массовой информации»¹⁹ не придает обязательного характера проверке журналистом достоверности сообщаемой ему информации (п. 8 ст. 47), достоверность обязательна только для сообщаемой им информации (п. 2 ст. 49). Несмотря на то что распространение недостоверной информации является несомненным злоупотреблением свободой массовой информации, в ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» отсутствует такой запрет. В контексте прав граждан на получение достоверной информации наибольший интерес представляет глава IV «Отношения СМИ с гражданами и организациями». В ней говорится о следующих правах: 1) праве на получение достоверных сведений о деятельности госорганов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, общественных объединений, организаций, их должностных лиц (ст. 38); 2) праве требовать опровержения сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и досто-

инство лица (ст. 43); 3) праве на ответ (ст. 46), заключающемся в предоставлении возможности полноценно изложить собственную точку зрения. Это право лицо приобретает в том же СМИ, если «допущено неполное или одностороннее предоставление информации», что «ведет к искажению восприятия реально произошедшего события, факта или последовательности событий»²⁰.

В отличие от опровержения, такой ответ не сводится к простому изложению фактов в собственной версии — он должен выражать субъективный оценочный подход, в том числе по отношению к позиции и доводам оппонентов. Таким образом, в случае распространения недостоверной информации в СМИ (в том числе с использованием Интернета) самыми действенными правовыми механизмами являются право на ответ, право на опровержение, защита чести, достоинства и деловой репутации, институт компенсации морального вреда, привлечение к уголовной ответственности за клевету (ст. 128.1)²¹.

В целом речь идет о реализации конституционного права граждан РФ на защиту чести и доброго имени (ст. 23) от диффамации, предполагающей распространение порочащих лица ложных и заведомо ложных сведений. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ²² при решении вопроса о соответствии распространенных сведений действительности необходимо подвергнуть оценке содержание сведений, порядок и полноту их изложения в точном соответствии с контекстом их преподнесения, т.е. полностью исключить возможность манипулирования фактами.

В современных условиях требование о соответствии содержания информации контексту ее изложения имеет более чем актуальный характер в силу получающей всё большее рас-

¹⁸ Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 84.

¹⁹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 08.02.1992. № 32.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. Август 2010. № 8.

²¹ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 18.07.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2010 № 323-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 17. Ст. 2140.

пространение практики выдергивания информации из контекста, в том числе и конкретно-исторического, ее абстрагирования от контекста и, следовательно, свободного применения к любым явлениям, фактам, лицам. Порочащий характер недостоверной информации выражается в формировании у третьих лиц отрицательного отношения, в подрыве доверия. Однако применение названного правового механизма — в силу наличия конституционного права на свободу слова (ст. 29) — распространяется лишь на информацию, излагающую факты, но не на оценочные суждения, субъективные мнения. Последние подлежат рассмотрению в случае обращения за компенсацией морального вреда.

Федеральный закон «О рекламе»²³ дает определение недостоверной рекламы как содержащей не соответствующие действительности сведения по 20 параметрам (п. 3 ст. 5) и устанавливает обязательные для любой рекламы требования добросовестности и достоверности, признавая иную рекламу недопустимой (п. 1 ст. 5). Федеральный закон «О защите прав потребителей»²⁴ наделяет потребителей правом на достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце), о реализуемых им товарах (работах, услугах) (ст. 8), устанавливая обязательное содержание этой информации (ст. 9, 10) и ответственность за непредоставление покупателю полной и достоверной информации (ст. 12). Заметим, что в этих случаях недостоверность рассматривается в несколько ином ракурсе — в контексте недобросовестной конкуренции, злоупотребления доминирующим положением и извлечения выгод из преимущественного положения.

Если говорить о нормативно-правовых и иных актах доктринального, концептуального и программного характера в области цифровизации, развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности, то категория достоверности информации фигурирует также не единожды. В Стратегии развития информационного общества в Российской

Федерации, рассчитанной на период 2017–2030 гг.²⁵, для достижения главной цели — формирования в РФ общества знаний — особое значение придается «получению, сохранению, производству и распространению достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». В силу этого первым в числе приоритетов названо «формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений». При этом целями формирования информационного пространства знаний являются «обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений».

Среди мер, обеспечивающих реализацию этих прав и потребностей, назван комплекс мероприятий по созданию и использованию информационных платформ современного уровня для «распространения достоверной и качественной информации российского производства». Особо подчеркивается, что развитие информационной и коммуникационной структуры предполагает недопущение «подмены, искажения, блокирования, удаления, снятия с каналов связи и иных манипуляций с информацией».

Доктрина информационной безопасности от 2016 г. не включала в понятие информационной безопасности состояние защищенности индивида, общества от воздействия недостоверной информации, в силу чего не предусматривала соответствующего направления (информационная безопасность общественной среды). Однако в ней указано, что реализация предусмотренных доктриной национальных интересов в сфере информационной безопасности «направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры»²⁶. Но уже Стратегией национальной безопасности в ее

²³ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

²⁴ Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 14.07.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766.

²⁵ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

²⁶ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

обновленном виде (от 2021 г.) в качестве отдельного направления выделен новый национальный приоритет — информационная безопасность. Ранее она входила в раздел «Наука, технологии, образование». Выделение информационной безопасности в качестве нового приоритета вызвано ростом угроз в киберпространстве. Среди них названо и распространение недостоверной информации. Реальность и опасность рисков недостоверной информации подчеркивает тот факт, что среди множества задач для обеспечения информационной безопасности первой является «формирование безопасной среды оборота достоверной информации». Кроме того, решение иных задач — защиты конституционных прав и свобод, противодействия экстремизму, терроризму, деструктивному информационно-психологическому воздействию, утверждения позиций РФ на мировой арене — напрямую связано с решением проблемы достоверности информации²⁷. Очевидно, что реализация национальных интересов в сфере безопасности информационного пространства с неизбежностью предполагает противоборство с оборотом недостоверной, искаженной информации.

На данный момент активно обсуждается вопрос о подготовке программного документа о противодействии современным технологиям информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание. И это свидетельствует об адекватном восприятии ширящихся угроз национальной и индивидуальной безопасности. Нам представляется важным, чтобы в своей основе современные тенденции в части угроз нашли отражение в базовом Федеральном законе «О безопасности»²⁸. Он носит, на наш взгляд, слишком общий характер. В нем до сих пор не указаны особенности обеспечения информационной и иной безопасности вследствие наличия тех или иных угроз, нет общего определения безопасности и ее различных ви-

дов. В утратившем силу Законе РФ «О безопасности» 1992 г. (ст. 1) в свое время были даны определения безопасности, жизненно важных интересов, основных объектов безопасности, угрозы безопасности²⁹. И эти категории до сих пор активно используются в изложении Закона 1992 г.

При наличии общей озабоченности по поводу применения технологий воздействия информации на индивидуальное, коллективное и массовое сознание, негативного воздействия нарушающей нормы общественной морали информации на международном уровне пока не выработаны единые подходы, терминология, механизмы противодействия. Так, в резолюции Совета ООН по правам человека от 27.06.2017 № 32/14 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»³⁰, равно как и в прежней одноименной резолюции Совета от 01.07.2016 № 32/13³¹, главное внимание сосредоточено на обеспечении следующих прав человека и различных категорий лиц (индивидов, женщин, детей, девочек): 1) права на свободный доступ к информации, 2) права на свободу выражения мнения, 3) права беспрепятственно придерживаться тех или иных взглядов, 4) права на неприкосновенность частной жизни, 5) права на свободу ассоциации.

В целом речь идет о расширении доступа к Интернету в силу его особой роли в целях развития, о решении проблем цифровых разрывов, пропаганды ненависти, безопасности в Интернете. Если здесь риски недостоверности информации не находят отражения, то в резолюции Совета ООН по правам человека от 07.07.2021 № 47/22 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»³² о них говорится прямо, но в контексте озабоченности по поводу развития тренда по установлению ограничений в Интернете. В резолюции осуждаются блокировка Интернета, онлайн-цензура, ограничения информацион-

²⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

²⁸ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. 09.11.2020) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

²⁹ Закон РФ от 05.03.1992 № 2446 «О безопасности» (утратил силу) // Российская газета. 6 мая 1992 г. № 103.

³⁰ URL: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения: 28.09.2022).

³¹ URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/57e9166b4.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

³² URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.09.2022).

ных прав лиц в Интернете. Поэтому в вопросе о принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия прежде всего указывается на то, что при этом «не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека. Доступ в Интернет должен быть открытым, надежным и безопасным».

В последнее время в контексте информационной безопасности всё большее внимание уделяется такому правовому механизму, как безопасность от информации. Законодательно он получил оформление в рамках Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³³. Здесь определение информационной безопасности, понимаемой как безопасность от информации определенного содержания, раскрывается как состояние защищенности, «при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию».

Таким образом, категорию безопасности от информации можно определить как состояние защищенности индивида от информационного контента, представляющего опасность в силу своей вредоносности. Такой подход нашел отражение в Уголовном кодексе, КоАП РФ, в федеральных законах «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О средствах массовой информации». Уже давно предпринимаются попытки определения видов информации (путем прямого перечисления), представляющей опасность, в зависимости от ее содержательного и побуждающего контента. Некоторые специалисты предлагают для такой информации ввести понятие «вредоносная информация»³⁴, другие характеризуют ее как «негативный контент»³⁵, третьи говорят о наличии у информации «поражающего свойства»³⁶.

При этом практически во всех перечнях информации такого рода речь идет о ложной информации, заведомо ложной информации, недостоверной информации, включающей посягательство на честь, доброе имя и деловую репутацию, диффамации. Кроме того, вредоносной, негативной и т.д. информация становится именно в силу ее признания таковой и законодательного урегулирования ее распространения, чему предшествует осмысление характера и последствий информационного воздействия. Что касается нас, мы предпочитаем два термина: «опасная информация» и «небезопасная информация», первая имеет очевидные, представляющие прямую угрозу и перманентные опасности, вторая несет в себе не только угрозы, но и опасности потенциальные, нарождающиеся, имеющие тенденцию к росту и распространению. Наличие развитого категориального аппарата важно для обеспечения правового регулирования, соответствующего реалиям и потенциальным рискам.

Рассмотрение проблематики достоверности информации невозможно вне контекста информационных прав. Но и в этой части реалии каждого данного этапа развития цифрового общества привносят в содержание основных информационных прав — права на информацию и права на доступ к информации — новые смыслы. Основная проблема в том, что реализация этих основополагающих в современных условиях прав несет в себе вполне определенные риски. Сложность же заключается в разности характера правового регулирования различных информационных прав. Право индивида в сфере информации основано на принципе индивидуальной свободы, в то время как его право на доступ к информации общественно значимого характера, предоставляемой гражданам органами государственной власти и местного самоуправления и иными уполномоченными органами, основано на принципах открытости,

³³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

³⁴ Лукина Е. И. Вредоносная информация: сущность и содержание понятия // Пробелы в законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 4. С. 256–259. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vredonosnaya-informatsiya-suschnost-i-soderzhanie-ponyatiya> (дата обращения: 10.10.2022).

³⁵ Смирнов А. А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // Информационное право. 2015. № 2. С. 18–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23488416> (дата обращения: 10.10.2022).

³⁶ Рыдченко К. Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 28 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005376053.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

транспарентности, достоверности. Конституционные нормы о полноте, достоверности, объективности информации, своевременности ее предоставления касаются именно второго. Хотя концепции национальной и информационной безопасности подразумевают достоверность информации применительно ко всему информационному массиву. Можно констатировать, что в части требования достоверности право на информацию входит в определенное противоречие с правом на свободу мнения, в ходе реализации которого генерируется куда больший объем и разнообразие информации.

Правовые механизмы защиты личных, общественных, национальных и государственных интересов посредством обеспечения безопасности от информации ложного, противоправного, запрещенного, антигуманного характера входят в противоречие с правом индивида на информацию и на свободу мнений. В частности, эти права нарушаются при блокировке сайтов при отсутствии на то достаточных оснований. Растущее число фактов отключения от Интернета, замедления трафика (в случае несанкционированных массовых протестов, проявлений экстремизма и терроризма), запретов на пользование Интернетом в целом для определенной категории лиц способствовало становлению нового права — права на доступ к Интернету.

Согласно всем современным резолюциям, право на информацию прежде всего подразумевает право использования Интернета для получения знаний, образования. Поэтому даже правомерное ограничение доступа к Интернету может быть истолковано как нарушение права индивида на его использование в образовательных целях, в целях саморазвития. Много вопросов возникает по поводу реализации права на свободу мнений в случае репоста, рерайта информации, дословного воспроизведения опубликованной иным лицом информации, участия в ее распространении интернет-посредников. И особенно актуальна эта проблема в случае распространения недостоверной, клеветниче-

ской, запрещенной и иной токсичной информации. Речь идет о, так скажем, ответственности за чужое мнение или своего рода праве лица на свободу воспроизводить мнение иного лица.

Считается, что такое право у лица есть, но оно признается за индивидом при условии: 1) проверки законности получения информации, ее достоверности; 2) наличия сведений об источнике информации; 3) выдержанной тональности комментариев, исключающей уничижение, оскорбления и т.п. Что касается ответственности, то она предполагается при несоблюдении настоящих условий, и более строгая — в силу использования возможностей Интернета для распространения непроверенного мнения неустановленного лица во вред иному лицу. В том же случае, когда лицо располагало данными о неправомерном характере информации, вполне правомерна постановка вопроса об умышленном распространении заведомо недостоверной и иной информации, причиняющей вред. В условиях свободного движения и накопления информации расширяется практика применения права на удаление.

Кроме защиты от недостоверной, неактуальной либо незаконно распространяемой информации, правом на удаление защищаются (в частности, в ЕС) персональные данные, право на уважение частной жизни³⁷. Развитию этого права способствует и наличие большого числа баз данных, формируемых в разных формах и разными субъектами с волеизъявления лица или без него. В особой мере это касается функционирования государственных информационных систем (ГИС). В этом случае любое лицо не только имеет право потребовать исключения из ГИС информации недостоверного и неактуального характера, но и оспорить «законность действий государственного органа, выразившихся во внесении в ГИС недостоверной информации (или его бездействия, выразившегося в непринятии мер по актуализации устаревшей информации)»³⁸.

Следовательно, в данном случае праву на удаление корреспондирует обязанность вно-

³⁷ Антопольский А. А. Права человека в Интернете: практика Европейского Суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 159–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-internet-praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka> (дата обращения: 10.10.2022).

³⁸ Амелин А. В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 458–462. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezumpsiya-dostovernosti-informatsii-v-gosudarstvennyh-informatsionnyh-sistemah> (дата обращения: 06.10.2022).

силь, хранить и предоставлять достоверную и актуальную информацию. Ее неисполнение порождает наличие у лица права на возмещение вреда, причиненного распространением недостоверной информации. Таким образом, правом на удаление обеспечивается право индивида на сбор, хранение и распространение о нем достоверной информации, на правомерность комментариев и использование персональных данных.

Как видим, проблематика недостоверности информации многогранна и имеет непосредственное отношение к вопросам обеспечения информационной безопасности. Противодействие информационному воздействию любого негативного, вредоносного контента должно основываться на следующих «характеристиках социальной информации: актуальности, оперативности, объективности, полноты, доступности, содержательности, систематичности, дифференцированности, достоверности»³⁹. Необходимо введение единообразного законодательно закрепленного определения понятия достоверности и ее обязательных признаков. Нам представляется, что оно должно иметь всеобъемлющий характер и включать в себя всё то, что отрицает элемент искусственности, подделки, модификации. Это позволит придать принципу достоверности универсальный характер. Для полноценной реализации права индивида на достоверную информацию необходима целостная система механизмов: общественно-политических, социально-нравственных, правовых, информационно-технологических.

Для подтверждения правомерности такой позиции нами и был применен междисциплинарный подход, выразившийся в рассмотрении проблематики 1) в контексте вызовов и угроз информационного общества эпохи цифры, рисков недостоверности информации и обеспечения информационной безопасности; 2) с точки

зрения природы цифрового пространства, технологических особенностей цифровых средств распространения информации, функционирования баз данных, использования возможностей искусственного интеллекта; 3) с позиций философии постмодернизма и 4) в свете применения социокультурных механизмов регулирования отношений в цифровой среде. Всё говорит в пользу вывода о том, что становление права индивида на достоверную информацию — вопрос ближайшей перспективы. На данный момент наиболее продуктивными механизмами защиты от недостоверной информации являются право на удаление и правовой институт защиты от информации («безопасность от информации»).

Рассмотрение проблематики недостоверности в контексте реализации информационных прав в условиях современного информационного общества позволяет прийти и к выводам более обобщенного характера. Во-первых, становится всё более очевидной необходимость рассмотрения права индивида на информацию в контексте прав иных лиц и интересов государства и в условиях конкуренции самих прав. Во-вторых, требуется актуализация содержания самого права сообразно реалиям и рискам существования в цифровом измерении. В-третьих, этой же причиной обусловлено появление новых механизмов защиты и новых прав. Так, активное развитие права на удаление вызвано ростом масштабов недостоверности информации, расширением системы баз данных, необходимостью противодействия диффамации, неправомерному использованию персональных данных. В будущем оно вполне может перерасти в механизм реализации возможности индивида по собственному волеизъявлению решать вопрос об удалении информации о себе из широкого доступа, действительно став правом на забвение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности : сборник научных трудов. Серия «Правоведение» / Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведения ; Российский государственный университет правосудия ; отв. ред. Е. В. Алферова, Д. А. Ловцов. — М. : ИНИОН РАН, 2018. — С. 143–157.

³⁹ Довнар Н. Н. Достоверность информации как фактор обеспечения информационной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 1. С. 57–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostovernost-informatsii-kak-faktor-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 16.10.2022).

2. Амелин А. В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2017. — Т. 17. — Вып. 4. — С. 458–462.
3. Антопольский А. А. Права человека в Интернете: практика Европейского Суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 159–185.
4. Бояринцева О. А. Особенности правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 11. — С. 934–940.
5. Бояринцева О. А. Публичная достоверность баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Вопросы современной юриспруденции. — 2016. — № 8-9 (59). — С. 68–84.
6. Довнар Н. Н. Достоверность информации как фактор обеспечения информационной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2015. — Т. 15. — № 1. — С. 57–62.
7. Лукина Е. И. Вредоносная информация: сущность и содержание понятия // Пробелы в законодательстве. Юридический журнал. — 2016. — № 4. — С. 256–259.
8. Пыхтина Т. Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодерна в трактовке познания // Вестник НГУЭУ. — 2012. — № 3. — С. 289–294.
9. Рыдченко К. Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2011. — 28 с.
10. Смирнов А. А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // Информационное право. — 2015. — № 2. — С. 18–25.
11. Устюжанина Е. В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2017. — № 4. — С. 47–52.

Материал поступил в редакцию 21 января 2023 г.

REFERENCES

1. Alferova EV. Zashchita prav cheloveka v Internetе [Protection of human rights on the Internet]. Gosudarstvo i pravo v novoy informatsionnoy realnosti: sbornik nauchnykh trudov. Seriya «Pravovedenie» [The state and law in the new information reality: A collection of scientific papers. The series «Jurisprudence»]. RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-infor. issled. Otd. pravovedeniya; Ros. gos. un-t pravosudiya. Moscow; 2018. Pp. 143–157. (In Russ.).
2. Amelin AV. Prezumptsiya dostovernosti informatsii v gosudarstvennykh informatsionnykh sistemakh [Presumption of reliability of information in state information systems]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»* [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law]. 2017;17(4):458-462. (In Russ.).
3. Antopolsky AA. Prava cheloveka v Internetе: praktika Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Human rights on the Internet: The practice of the European Court of Human Rights]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law]. 2019;14(2):159-185. (In Russ.).
4. Boyarintseva OA. Osobennosti pravovoy prirody baz dannykh, formiruemykh i ispolzuemykh v sfere gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Features of the legal nature of databases generated and used in the field of state and municipal management]. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo* [Administrative and municipal law]. 2016;11:934-940. (In Russ.).
5. Boyarintseva OA. Publichnaya dostovernost baz dannykh, formiruemykh i ispolzuemykh v sfere gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public reliability of databases generated and used in the field of public and municipal administration]. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii* [Questions of modern jurisprudence]. 2016;8-9:68-84. (In Russ.).
6. Dovnar NN. Dostovernost informatsii kak faktor obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [Reliability of information as a factor of ensuring information security]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo*

- universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Series «Law»]. 2015;15(1):57-62. (In Russ.).*
7. Lukina EI. Vredonosnaya informatsiya: sushchnost i sodержanie ponyatiya [Malicious information: Essence and content of the concept]. *Probely v zakonodatelstve. Yuridicheskiy zhurnal [Gaps in legislation. Law journal]. 2016;4:256-259. (In Russ.).*
 8. Pykhtina TF. Istina kak sotsialnaya znachimost (puti postmoderna v traktovke poznaniya [Truth as Social Significance (Postmodern ways in the interpretation of cognition)]. *Vestnik NSUEM. 2012;3:289-294. (In Russ.).*
 9. Rydchenko KD. Administrativno-pravovoe obespechenie informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti organami vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative and legal provision of information and psychological security by the internal affairs bodies of the Russian Federation. The Athour's Abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Voronezh; 2011. (In Russ.).
 10. Smirnov AA. Negativnyy kontent: problemy identifikatsii v kontekste pravovogo regulirovaniya [Negative content: Identification problems in the context of legal regulation]. *Informatsionnoe pravo [Information law]. 2015;2:18-25. (In Russ.).*
 11. Ustyuzhanina EV. Printsip dostovernosti informatsii: postanovka problemy [The principle of reliability of information: Statement of the problem]. *Elektronnnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu» [Electronic supplement to «Russian Juridical Journal»]. 2017;4:47-52. (In Russ.).*